

Г. В. Иванов

ЕСЕНИН

<...> 27 декабря 1925 года Сергей Есенин покончил с собой в гостинице «Англетер» – известном всем петербуржцам стареньком, скромно-барственном отеле на Исаакиевской площади.

Из окон этой гостиницы видны, направо за Исаакием, дворец из черного мрамора – дом Зубовых. Налево, по другую сторону Мойки, высится здание Государственного контроля. В обоих этих домах в предреволюционные годы бился пульс литературно-артистической петербургской жизни, в обоих частым гостем бывал Есенин...

Не раз, вероятно, сквозь зеркальные окна кабинета графа Валентина Зубова он смотрел на приютившийся на другой стороне площади двухэтажный «Англетер». Смотрел, читая стихи, кокетничая, как всегда, нарочито мужицкой грубостью непонятных слов:

...Пахнет рыжими драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз...

Прелестно... Прелестно... Аплодисменты, любезные улыбки – Сергей Александрович, Сережа... Прочтите еще или, еще лучше, спойте. Вы так грациозно поете эти... как их?.. частушки.

Шелест шелка, запах духов, смешанная русско-парижская болтовня... Рослые лакеи в камзолах и белых чулках разносят чай, шерри-бренди, сладости. И среди всего этого звонкий голос Есенина, как предостережение из другого мира, как ледяной ветерок в душистой оранжерее:

...Я одну мечту, скрывая, нежу,
 Что я сердцем чист, –
 Но и я кого-нибудь зарежу
 Под осенний свист!..

Налево от Исаакия, по той стороне Мойки, в бельэтаже здания Государственного контроля гостиные менее пышные, мебель не такая редкостная, как у Зубовых. Но общество почти то же. Эта квартира известного сановника Х.

Впрочем, сам Х. на приемах этих никогда не показывает-ся. Гости – приятели его племянника М.А. Ковалева, поэта Рюрика Ивнева. Рюрик Ивнев – ближайший друг и неразлучный спутник Есенина. Щуплая фигурка, бледное птичье личико, черепаховая дамская лорнетка у бесцветных щурящихся глаз. Одет изысканно-неряшливо. На дорогом костюме – пятно. Изящный галстук на боку. Каблуки лакированных туфель стоптаны. Рюрик Ивнев всё время дергается, суетится, оборачивается. И почти к каждому слову прибавляет – полувопросительно, полурастерянно – Что? Что? – Сергей Есенин? Что? Что? Его стихи – волшебство. Что? Посмотрите на его волосы. Они цвета спелой ржи – что?

Общество почти то же, как и в зубовском дворце, однако не совсем. Здесь вперемежку с лоцеными костюмами мелькают подрясники, волосы в скобку и сапоги бутылками.

Есенин сидит на почетном месте. С ним нараспев беседует, вернее поучает его, человек средних лет, одетый «под ямщика». На его лице расплывается сахарная улыбочка, но серые глаза умны и холодны. Это тоже мужицкий поэт – «олонецкий гусяр», как он сам себя рекомендует, – Николай Клюев.

– Скоро, скоро, Сереженька, забьют фонтаны огненные, застрекочат птицы райские, вскроется купель слёзная и правда Божья обнаружится, – воркует Клюев. Есенин почтительно слушает, но в глубине его глаз прячется лукавый огонек. Он очень любит Клюева и находится под его большим влиянием. Но в «фонтаны огненные», по-видимому, не особенно верит...

– Что? Что? – слышится рядом шепелявый голос Рюрика Ивнева. – Я? Я – убежденный пацифист! Что? Даже, вернее сказать, – пораженец. Единственный шанс России – открыть фронт и принять победителей с колокольным звоном. Единственная возможность спастись. Что?

Кстати, оба – Клюев и Ивнев – сыграют в жизни Есенина роковую роль. Через них он заведет те знакомства, которые сблизят его впоследствии с большевиками. Судьбы этих двух, таких различных людей, тоже различны. Последнее, что дошло до меня в конце 20-х – начале 30-х годов о Ивневе, был слух о назначении его... советским полпредом не то в Персию, не то в Афганистан. ...Клюева в эпоху раскулачивания сослали в Сибирь. Из Сибири он обратился к Сталину с патетическим прошением в стихах, кончавшимся так: «Дай жить или умереть позволь!» – «Отец народов» великодушно позволил Клюеву умереть... <...>

...Весной 1923 года я был в берлинском ресторане Ферстера на Мотцштрассе. Кончив обедать, я шел к выходу. Вдруг меня окликнули по-русски из-за стола, где сидела большая шумная компания. Обернувшись, я увидел Есенина. Я не удивился. Что он со своей Айседорой в Берлине, я уже слышал на днях от М. Горького.

Я не встречался с Есениным несколько лет. На первый взгляд, он почти не изменился. Те же васильковые глаза и светлые волосы, тот же мальчишеский вид. Он легко, как на пружинах, вскочил, протягивая мне руку: – Здравствуйте! Сколько лет, сколько зим. Вы что же проездом или эмигран-

том заделались? Если не торопитесь, присоединяйтесь, выпьем чего-нибудь. Не хотите? Ну, тогда давайте я вас провою...

Швейцар подал ему очень широкое, короткое черное пальто и цилиндр. Поймав мой удивленный взгляд, он ухмыльнулся: – Люблю, знаете, крайности. Либо лапти, либо уже цилиндр и пальмерстон... – Он лихо нахлобучил цилиндр на свои кудри. – Помните, как я когда-то у Городецкого в плисовых штанах, подпоясанный золотым ремешком, выступал. Не забыли?

Конечно, я помнил... Концертный зал Тенишевского училища. На ярко освещенной рефлектором эстраде портрет Кольцова, осененный вилами, косой и серпом. Под ним два «аржаных» снопа и вышитое крестиками полотенце. На эстраду выходит Есенин в розовой шелковой косоворотке, на золотом пояске болтается гребешок. Щеки подрумянены. В руках букет бумажных васильков. Выходит он подбоченясь, как-то «помолодецки» раскачиваясь. Улыбка ухарская, но смущенная. Тоже, как и весь выход, должно быть, не раз репетировалась и эта улыбка, а не удастся, смущение сильнее.

– Валяй, Сережа! Не робей! – слышится из-за эстрады голос Городецкого. Есенин встряхивает кудрями и начинает звонко отчеканивать стихи.

За ним читают другие. Городецкий, косоворотка которого топорщится на груди: под ней черный бант и крахмальный пластрон, после этого «мужицкого» вечера Городецкий вдвоём с женой приглашен куда-то в «приличный дом», где требуется смокинг... «Олонецкий гуслир» – Клюев, наряженный коробейником и тоже подрумяненный. Черноглазый и белозубый красавец – не то лихач, не то опереточный разбойник Сергей Клычков...

Клюев, ожидая очереди выступать, бережно оправляя сборки своей поддёвки, вполголоса, сильно налегая на «О», репетирует:

Ах ты птица, птица райская,
Дребезда золотоперая!..

И, должно быть, чтобы вполне войти в роль мужика-про-
стачка, шепчет Клычкову, стараясь придать своему хитрому
морщинистому лицу глуповато-испуганное выражение:

– Боязно, братишка, ой, боязно. Неровен час – из памя-
ти стих выскочит. Оконфужусь тогда при всем честном наро-
де, перед господами-то... <...>

Февраль 1950